

К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСТВА АНСАМБЛЯ РОСТОВСКОГО КРЕМЛЯ

А. Г. Мельник

В «Летописи о ростовских архиереях» вполне определенно сказано, что ростовский митрополит Иона III (1652—1690 гг.) «в бытность свою построил дом архиерейский и оградил оградой каменной, по городовому устроению...»¹. В литературе XIX—первой половины XX вв. данная версия никем не подвергалась сомнению². Однако в 1950-е—1960-е гг. В. С. Баниге, занимаясь изучением и реставрацией Ростовского кремля (архиерейского двора), выдвинул новую гипотезу, касающуюся авторства кремлевского ансамбля³. Митрополиту Ионе, писал В. С. Баниге, «помимо его прямых и достаточно хлопотливых обязанностей — митрополита и хозяина обширной епархии, приходилось часто и иногда надолго покидать Ростов ради московских дел... А огромной, непрерывной стройкой со множеством объектов и целой армией рабочих необходимо было руководить постоянно... Такой знаток и ценитель зодчества, как Иона Сысоевич, мог поручить руководство своей самой грандиозной и, главное, близкой ему постройкой, важной в архитектурном, и в функциональном отношениях, только выдающемуся строителю, которому он всецело доверял... В том, что такой мастер существовал, сомнения нет, только имя его оказалось утерянным... Это имя обнаружено в единственном полностью сохранившемся кремлевском синодике церкви Иоанна Богослова... Понятно, что синодик домово́й архиерейской церкви, в которую посторонние лица пускались лишь раз в год, в престольный праздник, не мог быть большим. Он действительно состоит из немногих листов, и имен в нем мало: несколько гражданских лиц да около тридцати архиерейских служащих, а ведь их было почти триста. Следует помнить, что церковь Иоанна Богослова была последней при Ионе кремлевской постройкой, как бы завершавшей при нем строительство кремля. Похоже, что Иона Сысоевич придавал этой церкви особое значение: ее синодик оформлен лучше, роскошнее синодиков других ростовских храмов, записанные в нем имена принадлежат в основном ростовской элите последней четверти XVII века. Рядом с именами этих высокопоставленных лиц помещен их «род» — родословная, перечень предков, в большинстве случаев совсем короткий. Некоторые значатся без своего «ро-

да». Три самые длинные родословные в синодике относятся к именам воеводы Василия Сергеевича Линева, ростовского каменщика Петра Ивановича Досаева и ростовского и ярославского митрополита Ионы Сысоевича. В составленном сразу после освящения церкви синодике не было поздних записей, а значит, и случайных. Почему же такая исключительная честь была оказана каменщику Досаеву? Правдоподобный и логичный ответ может быть только один: его роль во владычной резиденции была исключительной. Совершенно очевидно, что он имел непосредственное и очень близкое отношение к только что построенному храму. Но этот каменщик не мог быть одним из многих, по своему положению он стоял, несомненно, выше остальных мастеров, то есть был руководителем всей постройки, подлинным строителем церкви Иоанна Богослова. В архитектуре почти всех возведенных при Ионе памятников отчетливо заметен почерк одного и того же мастера. Следовательно, этот мастер и был тем зодчим, который создал ансамбль по ясному плану. Хорошо задуманному Ионой Сысоевичем и им самим, то есть Петром Досаевым»⁴.

Столь большая цитата приведена здесь для того, чтобы максимально полно представить аргументацию автора по такому важному вопросу, как проблема авторства знаменитого древнерусского ансамбля.

Рассмотрим тщательно эти аргументы.

Во-первых, упомянутый синодик церкви Иоанна Богослова⁵ вовсе не единственный «кремлевский» синодик, дошедший до нас. Хорошо сохранился и синодик церкви Воскресения Ростовского архиерейского двора⁶, занесенный в тот же каталог, что и синодик церкви Иоанна Богослова⁷.

Во-вторых, в последнем синодике вопреки утверждению В. С. Баниге есть поздние записи и весьма много. Например, на 12 листе данной рукописи помещены посмертные поминательные записи имен митрополита Ионы (умер в 1690 г.), митрополита Иоасафа (умер в 1701 г.), епископа Досифея (умер в 1718 г.), схимонаха Гедеона—бывшего ростовского епископа Георгия (умер в 1739 г.) и архиепископа Иоакима (умер в 1741 г.)⁸. Причем анализ свидетельствует, что записи о последних трех иерархах сделаны одним почерком и одновременно, то есть не раньше 1741 г.⁹ Далее на обороте 27 листа записан «Род судьи Иоасафа Бибикова дому ростовского архиерея»¹⁰. Имя же судьи И. Бибикова встречается впервые в документе 1730 г.¹¹ На 34 листе имеется запись рода истопника Льва Максимова¹², который упомянут в переписной кни-

ге Ростова в 1749 г.¹³ И, наконец, на последнем из заполненных 35 листов рукописи читаем: «Род святителя Димитрия ростовского чудотворца нового...»¹⁴. Как известно, Димитрий Ростовский был канонизирован в 1757 г.¹⁵ Следовательно, данная запись, которая, видимо, была по времени последней в синодике, была внесена не ранее 1757 г.

Итак, синодик церкви Иоанна Богослова хотя и был начат сразу после окончания строительства церкви в 1684 г.¹⁶, но продолжался до середины XVIII в. И в целом в рассматриваемом синодике довольно отчетливо прослеживается, как со временем менялись почерки отдельных записей. Если вступительная статья синодика и начальные записи сделаны одним почерком, характерным полууставом XVII в., то чем ближе к концу рукописи, тем почерки записей все более становятся близкими к почеркам середины XVIII в. Сходная тенденция характерна и для записей отдельных родов. Как правило, основная запись делалась одним почерком, а потом к ней добавляли по мере необходимости разными почерками имена умерших представителей данного рода. Характерно, что иногда поздние записи делались и на оставшихся незаполненными местах страниц в начальной части синодика.

Из вышеуказанной общей хронологической последовательности записей в синодике выпадают только две записи на листе 32а. На лицевой стороне этого листа имеется запись рода ростовского митрополита Варлаама (1620—1652 гг.), а на обратной стороне листа — запись ростовского митрополита Ионы (1652—1690 гг.)¹⁷. Причем если запись рода Варлаама сделана первоначальным почерком синодика, то запись рода Ионы — почерком, близким к почерку записи рода митрополита Иоасафа Лазаревича (1691—1701 гг.)¹⁸. Это и не случайно, ведь запись рода Ионы, как явствует из нее самой, сделана не при жизни последнего, а после его смерти (Иона в списке рода стоит первым, то есть значит как умерший). Получается так, что при жизни митрополита Ионы запись о поминовении его рода вообще не была занесена в синодик церкви Иоанна Богослова.

Появление же данного листа со столь ранними записями родов митрополитов Ионы и особенно Варлаама в конце синодика рядом с записью каменщика Петра Досаева, имеющейся на обороте соседнего 33 листа, можно объяснить следующим образом. В настоящее время лист 32а не имеет крепления к переплету рукописи, и, несомненно, утратил свое первоначальное место расположения. Реконструировать послед-

нее помогает сохранившийся синодик церкви Воскресения (около 1670 г.) Ростовского архиерейского двора¹⁹. Сопоставление этих двух синодиков свидетельствует, что в начальной части они имеют весьма близкие системы расположения отдельных статей и записей родов. Сначала идет предисловие, потом следуют статьи о поминовении царей, патриархов, ростовских архиереев, ростовских князей, рода ростовского митрополита Варлаама, рода ростовского митрополита Ионы, рода митрополичьего казначея Вассиана²⁰ и рода инока Ярославского Толгского монастыря князя Нила Львова²¹. Все эти записи сделаны у того и другого синодика первоначальным почерком. И только в синодике церкви Иоанна Богослова из этой довольно четкой последовательности выпадает запись рода митрополита Варлаама. Суммируя все сказанное, можно сделать вывод, что лист, значащийся под номером 32а синодика церкви Иоанна Богослова, изначально находился между листом 13 с записью рода ростовских князей и листом 14 с записью рода старца Нила Львова.

Не соответствует действительности и утверждение В. С. Баниге о том, что в синодик церкви Иоанна Богослова занесены имена лишь представителей ростовской элиты. В рассматриваемом синодике наряду с именами царей, князей, церковных иерархов имеются записи родов воеводы, офицеров, солдата, судей, мелких архиерейских и городских чиновников, монахов, священников, пономарей, дьячков, истопников, жителей окрестных сел и деревень, одним словом, представителей чуть ли не всех социальных слоев тогдашней России²². В этом ряду вполне уместно появление и имени простого ростовского каменщика.

После всего сказанного рассмотрим, о чем же свидетельствует сама запись рода «города Ростова каменщика Петра Иванова сына Досаева»²³. Во-первых, эта запись расположена в самом конце синодика на оборотной стороне 33 листа, а синодик кончается на 35 листе. Во-вторых, ей предшествует, причем за пять листов, запись, датируемая 1730 г., а через лист расположена запись 1757 г. (см. выше). В-третьих, почерк данной записи очень близок к почеркам записей, датированных 1740—1750 гг.²⁴ В-четвертых, почерк записи рода П. Досаева совпадает с почерком лишь очень небольшого числа записей. Это, в первую очередь запись рода гвардии солдата Саввы Харитоновича, имеющаяся на лицевой стороне 33 листа; и небольшие поздние добавки к более ранним записям рода дворянина Данила Ретивцова²⁵ и рода «копеис-

та» Алексея Внукова²⁶. Характерно, что обе эти записи сделаны на предыдущих 31 и 32 листах синодика. Таким образом, все рассмотренные записи, и в том числе запись рода П. Досаева, сделаны в середине XVIII в.

Важно и то, что, хотя в конце статьи о роде П. Досаева есть имена его умерших родственников, внесенных позже, имя самого П. Досаева, так и не попало в список умерших представителей его рода. Значит, либо он еще довольно долго жил после времени занесения списка своего рода в рассматриваемый синодик, либо вскоре после этого покинул Ростов. Последнее наиболее вероятно, поскольку имени каменщика П. Досаева не встречается ни в одной из известных переписных книг Ростова XVII—XVIII вв.²⁷

Итак, все вышесказанное свидетельствует о том, что П. И. Досаев жил в Ростове в середине XVIII в., и, следовательно, он не мог участвовать в строительстве ансамбля Ростовского архиерейского двора, которое происходило, в основном, в 50—80-е гг. XVII в.²⁸

И все же вопрос о существовании некоего зодчего, который якобы возглавлял строительство ансамбля, поставленный В. С. Баниге, остается открытым. Ведь можно предположить, что если таковым не был П. Досаев, то мог быть кто-то другой.

Приблизиться к пониманию того, как было организовано строительство в Ростовском митрополичьем дворе второй половины XVII в., можно на основе анализа дошедших до нас приходо-расходных книг этого двора 1691—1692 гг.²⁹ и 1696—1698 гг.³⁰ Несомненно, практика строительных работ 1690-х гг. мало чем отличалась от практики подобных работ предшествующих десятилетий. Э. Д. Добровольская, исследуя указанные приходо-расходные книги, показала, что строительство в митрополичьем дворе тех лет велось силами многочисленных артелей местных каменщиков и плотников, возглавлявшихся довольно большим числом опытных мастеров³¹. Но что совершенно определенно отсутствует в упомянутых источниках, так это известия о зодчем, возглавлявшем все строительство. Не было его и в штате Ростовского митрополичьего двора XVII в.³²

Но тогда кто координировал деятельность всех этих многочисленных артелей, кто выдвигал основные архитектурно-художественные идеи, воплощавшиеся «каменных дел мастерами»?

Начиная с работ Г. В. Алферовой, в литературе все более утверждается мнение, что в XVII в. роль заказчика в строительстве была исключительно велика. Обладая высоким уровнем познаний в строительном деле, многие состоятельные заказчики сами вырабатывали замысел архитектурного образа будущего сооружения, контролировали воплощение своего замысла и координировали работы разных артелей мастеров, которые выступали в основном лишь исполнителями их замыслов³³. Патриарха же Никона Г. В. Алферова даже назвала зодчим всех трех построенных по его заказу монастырей³⁴.

В недавнее время Д. Ф. Полознев предположил, что приверженность патриарха Никона монументальному строительству берет начало от подражания св. Филиппу Митрополиту³⁵, который был канонизирован при его непосредственном участии в 1652 г. Такое мнение выглядит вполне убедительным, ведь в Древней Руси, по наблюдению А. М. Панченко, «поведенческая установка на повторение и подражание была общепринятой»³⁶. В какой-то мере св. Филипп во второй половине XVII в., видимо, стал чем-то вроде идеала эпохи³⁷. А в своем житии Филипп представлен не в последнюю очередь как активный строитель, причем выступавший не только в роли заказчика, но и как зодчий. Вот как об этом повествует житие: «Он же (Филипп—А. М.) паки делу касается. Мастеров убо собра художных имущих разум вящая же собою повершая. И касатися дланьма своима зданию исполняше. Братии же во всем собою образ казаваше и делу художных сотворяя»³⁸. Думается, подобно Никону, и многие архиереи второй половины XVII в. подражали в своей строительной деятельности св. Филиппу.

И действительно, источники второй половины XVII в. рисуют некоторых русских архиереев того времени как опытных строителей. Таковыми были рязанский митрополит Авраамий³⁹, холмогорский архиепископ Афанасий⁴⁰, вологодский архиепископ Гавриил (Кичигин)⁴¹.

В свете всего сказанного более определенно рисуется и роль митрополита Ионы в создании ансамбля его ростовской резиденции. Несомненно, он был автором наиболее значительных архитектурно-художественных идей, воплощенных в этом памятнике. Именно Иона определил основные решения объемно-пространственной композиции митрополичьего двора, уникальную композицию надвратных церквей с двумя примыкающими башнями⁴², своеобразие наружного декоративного оформления этих церквей⁴³ и других сооружений, уникаль-

ный же характер интерьеров тех же храмов⁴⁴ и, видимо, многое другое.

В заключение остается ответить на последний существенный вопрос, поставленный В. С. Баниге: кто при частых отъездах Ионы в Москву руководил «огромной, непрерывной стройкой ансамбля» (см. выше)? Разумеется, в большом штате Ростовского митрополичьего двора было достаточно людей, кому Иона мог поручить надзор за непосредственным строительством или созданием монументальных росписей ансамбля. Это, во-первых, второй приказной или дворецкий⁴⁵, в обязанности которого, кроме управления всем хозяйством митрополичьего двора, входил, видимо, как и у соответствующих патриарших чиновников⁴⁶, надзор за строительными работами. Во-вторых, мог, очевидно, организовывать строительные работы и приказной — высшее должностное лицо митрополичьего двора⁴⁷.

Документы донесли до нас имена двух приказных и одного дворецкого, которые служили как раз в период наиболее активных строительных и художественных работ в Ростовском митрополичьем дворе. Это приказной Максим Васильевич Горяинов (1656—после 1663 гг.), приказной Ярофей Алексеевич Палицын (около 1678—1691 гг.) и дворецкий Андрей Львович Неклюдов (около 1678—1696 гг.)⁴⁸. Отдельные поручения по надзору за строительными и художественными работами могли быть поручены и другим служащим митрополичьего двора. Так, например, в 1671 г. митрополит Иона велел наблюдать за написанием икон дьяку судного приказа Мурату Чюрину⁴⁹.

Надо полагать, руководители отдельных отраслей хозяйства митрополичьего двора должны были принимать участие в формировании замысла подведомственных им зданий, в той части, конечно, которая касалась функции данных зданий. При этом упомянутые руководители могли и следить за строительством соответствующих сооружений. Например, конюший старец⁵⁰, по-видимому, принимал участие в надзоре за возведением конюшенного двора, а сушиленный старец и чашник старец⁵¹ — за строительством больших корпусов сушил, погребов, кладовых палат и пивоварни⁵².

Подводя итоги, можно сказать, что теперь на ином уровне мы возвратились к версии об авторе ансамбля Ростовского митрополичьего двора, изложенной в «Летописи о ростовских архиереях». Подлинным автором ансамбля являлся митрополит Иона⁵³.

- ¹ Титов А. А. Летопись о ростовских архиереях. СПб., 1890. С. 13.
- ² Толстой М. В. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847. С. 17, 34; Титов А. А. Кремль Ростова Великого. М., 1905; Шамурин Ю. Ростов Великий. Троице-Сергиева Лавра. М., 1913. С. 4—27; Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 47—126; Воронин Н. Н. Ростовский «кремль» //Из истории докапиталистических формаций. Л., 1934. С. 655—680; Безсонов С. В. Ростов Великий. М., 1945. С. 9—25.
- ³ Баниге В. С. Искусство ростовских строительных мастеров. Автореф. диссертации. Л., 1963. С. 12—13; Его же. Кремль Ростова Великого. М., 1976. С. 130—134.
- ⁴ Баниге В. С. Кремль Ростова Великого... С. 130—132.
- ⁵ Синодик церкви Иоанна Богослова Ростовского архиерейского двора (Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник (ЯИАМЗ). Инв. № 14902 (В дальнейшем — Синодик ц. Иоанна Богослова).
- ⁶ Синодик церкви Воскресения Ростовского архиерейского двора (ЯИАМЗ. Инв. № 15185). (В дальнейшем — Синодик ц. Воскресения).
- ⁷ См. Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея //Краеведческие записки. Ярославль, 1958. Вып. III. С. 82—83.
- ⁸ См. Титов А. А. Летопись о ростовских... С. 13—18, 21—46.
- ⁹ Столь поздние записи о епископах Георгии и Досифее легко объясняются тем, что они оба были лишены кафедры и судимы как государственные преступники (Титов А. А. Летопись о ростовских... С. 43—46). Потребовалось время, чтобы их имена безбоязненно можно было внести в синодик.
- ¹⁰ Синодик ц. Иоанна Богослова, л. 27 об.
- ¹¹ См.: Титов А. А. Великий Ростовский пожар 1730 года. Ярославль, 1902. С. 6.
- ¹² Синодик ц. Иоанна Богослова, л. 34.
- ¹³ Ростов. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1884. С. 60.
- ¹⁴ Синодик ц. Иоанна Богослова, л. 35.
- ¹⁵ Титов А. А. Летопись о ростовских... С. 16.
- ¹⁶ Синодик ц. Иоанна Богослова, л. 1 об.
- ¹⁷ Там же, л. 32а—32а об.
- ¹⁸ Там же, л. 13 об.
- ¹⁹ См. сноску № 6.
- ²⁰ При жизни Ионы и Вассиана их роды были записаны только в синодике церкви Воскресения. (Синодик ц. Воскресения, л. 14—14 об.).
- ²¹ См.: Синодик ц. Иоанна Богослова, л. 1—15; Синодик ц. Воскресения, л. 1—15.
- ²² Синодик ц. Иоанна Богослова, л. 1—35.
- ²³ Там же, л. 33 об.
- ²⁴ Там же, л. 12, 34—35.
- ²⁵ Там же, л. 31.
- ²⁶ Там же, л. 32.
- ²⁷ См.: Титов А. А. Дозорные и переписные книги древнего Ростова. М., 1879; Ростов. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1884; Титов А. А. Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII в. СПб., 1887.
- ²⁸ Мельник А. Г. Новые данные по истории ансамбля Ростовского кремля //Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов. Нижний Новгород, 1992. С. 57—59.
- ²⁹ ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. I, ед. хр. 6.

- ³⁰ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 162; ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. I, ед. хр. 10.
- ³¹ Добровольская Э. Д. Новые материалы по истории Ростовского кремля // Ростов Великий. Ярославль, 1958. Вып. 1. С. 27—32, 41—46.
- ³² См.: Мельник А. Г. Ростовский митрополичий двор в XVII в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 132—144.
- ³³ См.: Алферова Г. В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // «Архитектурное наследство». М., 1969, № 18. С. 30—44; Бусева-Давыдова И. Л. О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII в. // «Архитектурное наследство». М., 1988, № 36. С. 43—53; Алферова Г. В. Русские города XVI—XVII веков. М., 1989. С. 162—169.
- ³⁴ Алферова Г. В. К вопросу о строительной... С. 44.
- ³⁵ Полознев Д. Ф. Канонизация митрополита Филиппа // в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 288.
- ³⁶ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 195.
- ³⁷ См.: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном Павлом Алеппским. СПб., 1898, Вып. III. С. 46.
- ³⁸ Мельник А. Г. К вопросу о формировании архитектурно-художественной системы Преображенского собора Соловецкого монастыря // Архангельское Поморье. История и культура. Архангельск, 1983. С. 82—83.
- ³⁹ Бусева-Давыдова И. Л. Указ. соч. С. 49.
- ⁴⁰ См.: Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь, и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 353—356.
- ⁴¹ См.: Суворов Н. Несколько сведений о церквях Воздвиженской и Благовещенской в г. Ростове // Ярославские епархиальные ведомости, 1863, ч. неофиц. С. 45.
- ⁴² Мельник А. Г. О происхождении композиции надвратных церквей с двумя примыкающими башнями Ростовского кремля // История и культура Ростовской земли. Тезисы докладов. Ростов, 1991. С. 23—26.
- ⁴³ Мельник А. Г. К вопросу о символике наружных форм храма XVII в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 150.
- ⁴⁴ Мельник А. Г. О византийских традициях в оформлении интерьеров церквей Ростова Великого, созданных по заказу митрополита Ионы (1652—1690 гг.) // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. II. С. 754—755.
- ⁴⁵ Мельник А. Г. Ростовский митрополичий двор... С. 134.
- ⁴⁶ Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874. С. 223.
- ⁴⁷ Мельник А. Г. Ростовский митрополичий двор... С. 133—134.
- ⁴⁸ Там же. С. 142—143.
- ⁴⁹ Забелин И. Е. Материалы к истории русской иконописи // Временник ИМОИДР. М., 1850. Кн. 7. С. 127.
- ⁵⁰ Мельник А. Г. Ростовский митрополичий двор... С. 135.
- ⁵¹ Там же. С. 135.
- ⁵² Там же. С. 137.
- ⁵³ Разумеется, замысел ц. Одигитрии (1692—1693 гг.) и других сооружений митрополичьего двора конца XVII в. принадлежит ростовскому митрополиту Иоасафу Лазаревичу (1691—1701 гг.).